
Станислав Акашин
Тишина, в которой живёт лес.

Станислав Акашин

Тишина, в которой живёт лес.

https://litres.ru/74708802
SelfPub; 2026

Аннотация

Они шли в лес за грибами, а нашли умение видеть. По пути герои спорят, останавливаются у каждой мелочи — и мир становится ярче: коряга превращается в дракона, муравейник — в город, паутинка — в чудо. Встреча с лисой замирает во времени: герои чувствуют — они здесь, они вместе, и этого достаточно.

Это не история о подвигах, а о тихом дне, который меняет взгляд на привычное. Близость рождается в совместных остановках, в умении не торопить друг друга и замечать то, что обычно проносится мимо.

Возвращаясь домой с корзинками грибов, герои уносят с собой нечто более ценное — умение ценить маленькие, настоящие моменты.

Станислав Акашин
Тишина, в которой живёт лес.

Глава 1. «Сборы: в лес за тишиной»

Утро выдалось солнечным, но прохладным — тот самый день, когда хочется укутаться в тёплый свитер и уйти подальше от города. Артур ходил по квартире, проверяя рюкзак: термос, пара бутербродов, салфетки, дождевик «на всякий случай». В прихожей жена примеряла старую, но любимую кепку, которая делала её похожей на бывалого путешественника.

— Ты точно уверен, что нам не нужен навигатор? — спросила она, поглядывая на телефон.

— Тропа знакомая, — улыбнулся он. — А если вдруг собьёмся, будем ориентироваться по солнцу и по тому, где пахнет хвоей сильнее.

— Ну, по запаху я согласна. А вот по солнцу… я его с трудом отличаю от луны, если честно.

Он рассмеялся:

— Значит, будем держаться вместе. Это и есть главный компас.

Они ещё раз проверили корзинки: лёгкие, плетёные, почти невесомые. В такие хочется складывать не только грибы, но и впечатления.

— Чего ты ждёшь от сегодняшнего дня? — тихо спросила жена, застёгивая куртку.

Он на секунду задумался:

— Просто тишины. Такой, где слышно, как ветер шевелит листву, а не уведомления в телефоне. Хочу, чтобы этот день был только нашим, без спешки.

— Тогда берём тишину в рюкзак, — она подмигнула, — и идём.

На пороге они замерли на миг: город шумел где-то рядом, но уже казался далёким, будто принадлежал другому миру. Дверь щёлкнула, и этот звук прозвучал как начало приключения.

По дороге к лесу они почти не говорили — не потому, что нечего было сказать, а потому, что слова пока мешали. Вместо этого замечали мелочи: как блестит роса на траве, как на заборе сидит воробей и смотрит на них с видом строгого контролёра.

Когда тропа нырнула в тень деревьев, город окончатель-

но остался позади. Лес встретил их запахом сырой земли, хвои и чего-то неуловимо древнего — будто здесь время течёт чуть медленнее.

— Слышишь? — шёпотом сказала жена.

— Что?

— Тишину. Она тут настоящая.

И он наконец услышал: не отсутствие звуков, а целый оркестр из шорохов, далёкого крика птицы и лёгкого скрипа веток. В этот момент стало ясно: они пришли туда, где можно просто быть, не доказывая ничего ни себе, ни другим.

Глава 2. «Тропа, где шепчут деревья»

Тропа поначалу была широкой — по ней явно часто ходили грибники и любители прогулок. Но стоило отойти от опушки, как она начала петлять между высокими соснами, будто нарочно запутывая следы. Герой шёл чуть впереди, время от времени оборачиваясь, чтобы убедиться, что жена не отстала. А она и не думала отставать — скорее, наоборот: то наклонялась, чтобы рассмотреть крошечный гриб, похожий на пуговицу, то останавливалась, чтобы провести ладонью по шершавой коре старой ели.

— Смотри, тут будто кто-то вырезал сердечко, — она коснулась едва заметной отметины на стволе. — Наверное, сто лет назад какой-нибудь парень хотел признаться в любви, а

дерево всё помнит.

Он улыбнулся:

— Значит, лес — это такой огромный альбом воспоминаний. Только вместо фотографий — царапины, сломанные ветки и чьи-то забытые следы.

— И птичьи песни, — добавила она, прислушиваясь к звонкому трелям где-то над головой. — Как будто кто-то специально расставил невидимых певцов, чтобы нам не было скучно.

Они шли не спеша, подстраиваясь под ритм леса: шаг — пауза, ещё шаг — замирание, чтобы поймать какой-нибудь новый звук. Тропа то поднималась на небольшой пригорок, то сбегала вниз, к невидимому ручью, чей тихий плеск доносился издалека. С каждым поворотом город становился всё тише, пока вовсе не растворился в шелесте листвы.

— Знаешь, мне кажется, деревья тут разговаривают, — тихо сказала Алиса, когда они ненадолго остановились передохнуть на поваленном стволе, покрытом мягким зелёным мхом.

— Разговаривают? — он приподнял бровь, но без насмешки — ему нравилось, как она видит мир.

— Ну да. Вот эта сосна ворчит, потому что её вечно задевают ветками. А та берёза, видишь, тянется к солнцу — она,

наверное, рассказывает всем, как ей повезло стоять на светлом месте. А этот дуб… он вообще молчит, но так солидно, что все остальные его слушают.

Он сел рядом, оперся локтями о колени и посмотрел вокруг уже не просто глазами туриста, а глазами слушателя. И правда: лес звучал не хаотично, а как будто по каким-то своим правилам. Ветер пробегал по верхушкам, заставляя кроны перешёптываться; где-то далеко стучал дятел, отбивая ритм; под ногами шуршали сухие иголки, словно кто-то невидимый осторожно ступал следом.

— А о чём бы ты сейчас шептал, если бы был деревом? — спросила она, улыбаясь.

— Наверное, благодарил бы за то, что ко мне пришли гости. Не чтобы срубить или ободрать кору, а просто посидеть, послушать, побыть рядом.

Она кивнула, будто это было самое правильное, что можно сказать.

Тропа снова звала вперёд. Теперь она стала уже, будто лес решил, что хватит широкой дороги — пора показать самое сокровенное. Деревья смыкались над головами, образуя зелёный свод, сквозь который пробивались косые лучи солнца, рассыпаясь золотыми пятнами по траве. Алиса шла теперь совсем близко, почти касаясь его плеча, не из страха, а из желания делиться каждым мгновением: «Смотри!», «Слышишь?», «Понюхай!» — и он с радостью смотрел, слушал и

нюхал, открывая для себя лес заново — через её восторг.

Когда тропа вывела их на небольшую прогалину, где воздух был особенно прозрачным, она вдруг остановилась и закрыла глаза.

— Что ты делаешь? — тихо спросил он.

— Собираю этот момент. Чтобы потом, когда снова будет шумно и суетливо, я могла просто вспомнить: вот тут пахло хвоей и мокрой травой, тут пели птицы, а рядом был ты.

Он не стал ничего отвечать — просто стоял рядом, чувствуя, как тишина обнимает их обоих. И в этой тишине было столько слов, что говорить вслух уже не хотелось.

Глава 3. «Первые находки и спор о грибах»

Тропа вывела их к небольшой полянке, где мох лежал, будто мягкий ковёр, а между кочками тут и там выглядывали шляпки грибов. Жена первой заметила один — невысокий, с коричневой шляпкой, будто слегка припорошённой пылью.

— Смотри, кажется, подберёзовик! — она присела на корточки, осторожно раздвинула траву, чтобы рассмотреть получше. — Ну точно, ножка в крапинку, как у тех, что бабушка собирала.

Он подошёл, наклонился, прищурился:

— Подожди-ка. А вдруг это ложный? У них ведь ножка бывает похожей. Бабушка ещё говорила: «Сначала смотри на срез — если синеет, лучше не бери».

— Да он не синеет! — возразила жена, уже доставая из рюкзака маленький складной нож. — И растёт под берёзой, как положено. Это же классика: подберёзовик — под берёзой. Логика железная.

— Логика-то железная, а вот грибники иной раз ошибаются, — он присел рядом, стараясь вспомнить все советы, которые когда-то слышал от деда. — Дед всегда говорил: «Никогда не бери гриб, в котором не уверен на сто процентов. Сомнение — это и есть главный признак, что надо пройти мимо».

Жена замерла с ножом в руке, потом медленно убрала его.

— Ладно, ты прав. Лучше перестраховаться. Но тогда скажи: а этот, рядом, что думаешь? Он какой-то… более крепкий, шляпка плотнее.

Рядом стоял ещё один гриб — с массивной ножкой и светло-коричневой шляпкой. Герой осторожно потрогал край шляпки пальцем: она была бархатистой, приятной на ощупь.

— Вот этот мне больше нравится, — пробормотал он. — Ножка толстая, мясистая. Похоже на боровик. Только… у боровиков вроде бы сетка на ножке должна быть. Или это у белых? Я уже всё перепутал.

Жена тихонько рассмеялась:

— Мы как два новичка, которые выучили три правила и теперь пытаются применить их ко всему лесу. Давай вспо-

минать по порядку. Первое правило: если сомневаешься — не бери. Второе: лучше взять меньше, но быть уверенным. Третье… третье я забыла, но оно точно было про бабушку.

— Третье было: «Не жадничай. Лес не обидится, если ты унесёшь не полную корзину, а половину».

Они переглянулись и снова рассмеялись — уже громче, и этот смех легко растворился в лесной тишине, не нарушив её, а как будто сделав теплее.

— Знаешь, что забавно? — сказала жена, выпрямляясь и отряхивая колени. — Мы столько лет слышали эти правила, а сейчас они всплывают кусками. Как будто мозг хранит их в разных ящичках, и чтобы собрать всю инструкцию, нужно открыть все сразу.

— Зато теперь мы их соберём. Вместе.

Они продолжили идти, теперь уже внимательнее глядя под ноги. И вскоре жена снова тихо позвала:

— Тут целая семейка! Маленькие, аккуратные, шляпки как коричневые чашечки.

Герой подошёл и сразу узнал:

— Это опята. Но смотри внимательно: у настоящих опят на ножке есть колечко, «юбочка». Если её нет — это ложные, и с ними шутки плохи.

Она наклонилась, прищурилась, потом радостно подняла на него глаза:

— Есть! Тоненькое, почти незаметное, но есть. Значит, можно?

— Можно, — улыбнулся он. — Только давай срезать аккуратно, чтобы грибницу не повредить. Дед говорил: «Гриб — это плод, а грибница — дерево. Не руби дерево ради одного яблока».

Пока она бережно срезала опята и укладывала их в корзинку, он вдруг поймал себя на том, что азарт — тот самый охотничий азарт грибника — действительно проснулся. Хотелось не просто гулять, а принести домой что-то настоящее, добытое своими руками, с соблюдением всех правил и с уважением к лесу.

— А помнишь, как папа однажды принёс домой целую корзину и мама сказала: «Ну всё, теперь будем жарить, варить, сушить и мариновать — чтобы на всю зиму хватило»? — тихо спросила жена, не поднимая головы.

— Помню. И помню, как потом оказалось, что половина была сомнительная, и её пришлось выбросить. Зато та, правильная половина, казалась в десять раз ценнее.

— Значит, сегодня мы будем как тот папа, — она подмигнула, — только без сомнительной половины. Только лучшее.

Они шли дальше, теперь уже не просто глядя под ноги, а вглядываясь: в форму шляпки, в цвет ножки, в то, как гриб растёт — одиноко или стайкой, под каким деревом, на какой почве. Каждый найденный гриб становился маленьким

испытанием, проверкой памяти и доверия друг к другу: один замечает, второй подтверждает или мягко останавливает. И в этом тихом, внимательном поиске было столько уюта и близости, что даже если бы они в итоге принесли домой всего три гриба — день всё равно был бы удачным.

Глава 4. «Поляна, где грибы растут ковром»

Тропа вынырнула из плотной тени ельника, и перед ними открылась просторная поляна — будто кто-то аккуратно стёр деревья и оставил только мягкий свет, траву и тишину. А ещё — грибы. Их было так много, что казалось, будто сама земля решила сегодня быть щедрой до расточительности.

Жена остановилась на границе леса и поляны, будто боялась спугнуть это чудо одним лишним шагом.

— Ты видишь это? — прошептала она, будто говорить громко здесь было нельзя. — Они как будто специально выстроились… ровными рядами. Словно кто-то заботливо рассадил их, чтобы мы точно не прошли мимо.

Он стоял рядом и не сразу нашёл, что ответить. Поляну покрывали грибы — где-то семейками, где-то поодиночке, а местами и вовсе сплошной россыпью, так что между ними почти не было видно травы. Шляпки отливали тёплым коричневым, кое-где поблёскивали от утренней росы, будто были покрыты тончайшим слоем стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.